

Эмиль Дюркгейм

Самоубийство: Социологический этюд

Пер. с фр. с сокр. под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399, [1] с.

Фрагменты

Нельзя относить к одному разряду и рассматривать с одинаковой точки зрения смерть человека, страдающего галлюцинациями, который выскакивает из окна верхнего этажа, думая, что оно находится в уровень с землей, и смерть психически здорового человека, убивающего себя вполне сознательно.

Солдат, идущий навстречу верной смерти, для того чтобы спасти свой полк, не хочет умереть, а разве в то же самое время он не является виновником своей смерти в том же значении этого слова, в каком оно применимо к промышленнику или коммерсанту, убивающему себя, для того чтобы избежать стыда и позора банкротства. То же самое можно сказать о мученике, умирающем за веру, о матери, приносящей себя в жертву своему ребенку, и т. д. Принимается ли смерть только как печальное, но неизбежное условие той цели, к которой субъект стремится, или же он ищет ее ради нее самой — в обоих случаях он отказывается от существования, и различные способы расчета с жизнью могут быть рассматриваемы только как разновидности одного и того же класса явлений.

Самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредствованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах.

Человек, сознательно подвергающий себя опасности ради другого лица, но без явной угрозы смерти, конечно, не является самоубийцей, даже если ему и пришлось бы умереть. Этим именем нельзя также назвать неосторожного, как бы играющего со смертью человека, стремящегося в то же время избежать ее, или человека апатичного, который, не будучи ни к чему привязан в жизни, не дает себе труда позаботиться о своем здоровье и погибает от своей небрежности. И однако, все эти виды поведения ничем коренным от самоубийства в собственном смысле слова не отличаются; они порождают аналогичное направление ума, поскольку в равной степени сопряжены со смертельным риском, который не остается тайной для действующего лица и перспектива которого это последнее не устрашает; вся разница заключается в степени вероятности смертельного исхода. Не без некоторого основания говорят иногда, что ученый, истощив свои силы постоянным бодрствованием, убил самого себя. Все эти случаи рисуют нам виды зачаточного самоубийства, и если, руководясь правильным методом, их не надо смешивать с видами полного самоубийства, то все же не надо терять из виду и то отношение родства, которое между ними существует. Самоубийство получает совсем различную окраску в том случае, если оно неразрывно связано с актами мужества или самоотвержения, и в том случае, если оно является результатом неосторожности или простой небрежности.

Есть два рода внесоциальных причин, которым а priori можно приписать влияние на количество самоубийств: психоорганическое предрасположение и природа окружающей физической среды. В индивидуальном строении людей или, во всяком

случае, в строении значительного класса человеческих индивидов может существовать склонность различной силы, в зависимости от данной страны,— склонность, которая непосредственно влечет человека к самоубийству; с другой стороны, климат, температура и т.д. могли бы, в силу того воздействия, которое они производят на организм человека, приводить косвенно к тем же результатам. Гипотеза эта, во всяком случае, не может быть отвергнута без предварительного обсуждения. Мы последовательно рассмотрим эти два рода факторов и постараемся узнать, имеют ли они на самом деле какое-нибудь значение для изучаемого нами явления, и если— да, то — каково оно.

Существуют болезни, общий годовой процент которых обыкновенно относительно постоянен для данного общества; и в то же время он значительно колеблется у различных народов. Таково — сумасшествие. Если бы были какие-нибудь точные данные, на основании которых в каждой добровольной смерти можно было видеть проявление сумасшествия, то поставленная нами проблема была бы разрешена и самоубийство было бы тогда не чем иным, как индивидуальной болезнью. Этот тезис поддерживается значительным числом психиатров. Так, например, Esquirol говорит: «В самоубийстве проявляются все черты сумасшествия («Maladies mentales»). Только в состоянии безумия человек способен покушаться на свою жизнь, и все самоубийцы— душевнобольные люди». Исходя из этого принципа, он пришел к тому заключению, что, будучи произвольным фактом, самоубийство не должно быть преследуемо законом.

Falret и Moreau de Tours высказывают почти одинаковое с ним мнение по этому вопросу. Правда, последний в том же месте своей книги, где он излагает разделяемую им доктрину, делает замечание, которого одного достаточно для того, чтобы вызвать сомнение в справедливости этой доктрины. «Должно ли самоубийство,— говорит он,— рассматриваться во всех случаях как результат сумасшествия? Не желая решать здесь этого трудного вопроса, скажем, что в общем, чем глубже удастся изучить сумасшествие, чем больше накопляется по этому вопросу опыта, чем больше, наконец, делается наблюдений над сумасшедшими, тем сильнее подсказывает нам инстинкт, что это мнение вполне правильно». В 1845 г. доктор Бурден в своей брошюре, появление которой произвело большую сенсацию в медицинском мире, еще с большей убежденностью настаивал на этом предположении.

Эту теорию можно защищать двояко: можно утверждать, с одной стороны, что самоубийство само есть болезнь *sui generis*, что оно представляет собой особый вид сумасшествия, или же, не выделяя его в качестве особого вида, усматривать в нем просто эпизодическое явление того или иного вида сумасшествия, явление, не встречающееся у людей со здоровым рассудком. Первый тезис защищает Bourdin. Esquirol, наоборот, является наиболее авторитетным представителем второго мнения. «Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу,— говорит он,— можно заключить, что самоубийство представляет собой явление, зависящее от громадного количества различных причин, что проявляется оно в самых разнообразных формах и что это явление не знаменует собой никакой определенной болезни. Для того чтобы сделать из самоубийства болезнь *sui generis*, прибегают к общим выводам, опровергаемым опытом».

Из упомянутых двух способов объяснения самоубийства путем сумасшествия второй менее убедителен и солиден в силу того принципа, что не может быть отрицательных опытов. На самом деле невозможно составить полный список всех случаев самоубийства и показать в каждом из них влияние сумасшествия. Можно говорить только об отдельных частных случаях, которые, несмотря на свою многочисленность, не могут служить основанием для научного обобщения; если

обратные примеры не приводятся, то они все же остаются возможными. Между тем доказательство другого положения, если бы его вообще можно было построить, дало бы самые убедительные результаты. Если бы удалось доказать, что самоубийство есть специфическое сумасшествие, имеющее свои отличительные, характерные черты и свое ясно выраженное развитие, вопрос был бы решен в том смысле, что всякий самоубийца есть сумасшедший. Но существует ли самоубийство-помешательство?

Склонность к самоубийству, по природе своей специфическая и вполне определенная, если и является разновидностью сумасшествия, то во всяком случае может быть только сумасшествием частичным и ограничивающимся одним проявлением. Для того чтобы она могла характеризовать собой особый вид помешательства, надо, чтобы последнее было направлено именно на один этот поступок, потому что если их будет много, то не будет никакого разумного основания брать для определения помешательства данный, а не какой-либо другой факт. По традиционной терминологии, подобное частичное сумасшествие называется мономанией. Мономан — это душевнобольной, сознание которого абсолютно ясно, кроме одного пункта; поражение его интеллекта строго локализовано. Так, например, в известные моменты его охватывает безрассудная и нелепая страсть воровать, пить или оскорблять окружающих; но все его остальные поступки и мысли вполне нормальны и координированы. Если существует помешательство-самоубийство, то оно не может быть ничем иным, как мономанией, и так его чаще всего и квалифицируют.

С другой стороны, говорят, что если допустить существование особой болезни, называемой мономанией, то в нее легко можно включить и самоубийство; все характерное для этого вида душевных болезней, согласно данному нами определению, заключается в том, что они не вносят существенного расстройства в интеллект человека. Основание умственной жизни одно и то же и у мономана, и у человека душевно здорового; только у первого определенное психическое состояние, как патологическое, очень рельефно отделяется от этого основного фона. Мономания — это просто преувеличенная страсть среди ряда различных склонностей, ложная идея в ряде представлений, но идея такой силы, что она овладевает умом человека и всецело поработывает его. Например, чувство честолюбия из нормального становится болезненным и превращается в манию величия, раз оно принимает такие размеры, что все остальные мозговые функции как бы парализуются им. Достаточно одного резкого движения чувства, для того чтобы умственное равновесие поколебалось и мономания проявила себя. Итак, можно думать, что самоубийство совершается под влиянием какой-нибудь ненормальной страсти, причем она либо разрешается одним ударом, либо, наоборот, идея самоубийства созревает постепенно. Можно даже утверждать, и это будет, по-видимому, убедительно, что всегда необходима какая-нибудь сила подобного рода, чтобы нейтрализовать основной инстинкт самосохранения. С другой стороны, множество самоубийц, вне того особого акта, которым они прерывают течение своей жизни, ничем не отличаются от других людей; следовательно, нет никакого повода для того, чтобы приписывать им общее безумие. Нам понятно теперь, почему под этикетом мономании самоубийство нашло себе место в рядах сумасшествия.

Но существует ли мономания? Долгое время существование ее не подвергалось сомнению; психиатры единодушно принимали теорию «частичного сумасшествия». Ее не только считали доказанной различными клиническими наблюдениями, но даже находили для нее подтверждение в данных психологии. В то время утверждалось, что человеческий ум состоит из различных свойств и разрозненных сил, которые действуют по большей части вместе, но способны действовать и порознь; поэтому

вполне естественно, что они могут каждая в отдельности быть захвачены болезнью. Если человек может проявлять разум отдельно от воли и чувствительность отдельно от разума, то почему же не могут тогда существовать болезни разума или воли без того, чтобы была задета чувствительность и *vice versa*? Применяя тот же принцип по отношению к более специальным формам этих душевных способностей, можно прийти к заключению, что может быть поражена исключительно только одна какая-нибудь склонность точно так же, как и отдельная идея или отдельный акт.

В данный момент это мнение всюду отвергнуто. Без сомнения, нельзя доказать прямо путем наблюдения отсутствие мономаний; но вполне установлено, что нельзя привести ни одного бесспорного случая их. Никогда клиническому опыту не удавалось доказать болезненной склонности разума в состоянии полной изоляции; всякий раз, как какая-нибудь одна способность души затронута болезнью, другие поражены одновременно с нею, и если сторонники мономании не заметили существования этой общей болезненности, то это обстоятельство свидетельствует только о неправильности их наблюдения. «Возьмем, например,— говорит Falret,— сумасшедшего, занятого религиозными идеями, которого отнесли бы, конечно, к разряду религиозных мономанов. Он считает себя вдохновленным свыше, посланным Богом на землю, несущим новое религиозное откровение. Это совершенно безумная мысль, скажете вы, но вне области религиозных идей он рассуждает подобно всем остальным людям. Побеседуйте с ним более внимательно, и вы тотчас же заметите в нем другие болезненные идеи, параллельные религиозным: вы найдете у него манию величия; он будет смотреть на себя, как на творца новой религии, реформатора всего общества, может быть, он будет считать себя предназначенным и для еще более высокой судьбы... Допустим, что, поискав у такого больного признаков мании величия, вы бы не нашли их, но тогда бы вы констатировали у него идею самоунижения или патологический страх. Поглощенный религиозными идеями больной будет считать себя вполне потерянным, обреченным на гибель человеком и т.д.». Конечно, все эти болезненные явления не встречаются одновременно у одного и того же человека, но их часто можно встретить вместе, или же если они не проявляются все в один и тот же момент болезни, то следуют друг за другом, совпадая с более или менее близкими ее фазами. Наконец, независимо от этих проявлений частного характера у мнимых мономанов наблюдается особое общее состояние всей психической жизни, составляющее основание болезни, а все безумные идеи являются только его наружным и временным выражением; состояние это заключается в чрезмерной возбужденности, или в крайнем упадке духа, или же в общем извращении. В таких случаях главным образом наблюдается нарушение равновесия и координации мыслей, так же как и движений. Больной рассуждает, и вместе с тем в цепи его мыслей бывают пробелы; он ведет себя, не делая абсурдных выводов, но в поведении его нет последовательности. Итак, будет не вполне правильным сказать, что это — человек частично сумасшедший, потому что, как только безумие проникает в сознание человека, то овладевает им целиком.

Помимо того, основание, на котором покоится вышеуказанная гипотеза мономании, находится в полном противоречии с действительными данными науки. Старинная психологическая теория не находит больше защитников. В различных видах сознательной деятельности теперь уже больше не видят разрозненных сил, которые соединяются и находят свое единство только в какой-нибудь метафизической субстанции, а видят в них связные функции этой деятельности; поэтому невозможно, чтобы одна из них была повреждена без того, чтобы это повреждение не отозвалось на всех остальных. Повреждение это отзывается на мозговой жизни человека глубже, чем на всем его организме, потому что психические функции имеют слишком общие органы, для того чтобы они могли быть

затронуты каждый в отдельности. Распределение их между различными областями головного мозга не имеет в себе ничего прочно установленного; это доказывается той легкостью, с которой различные части мозга могут замещать друг друга в случае, если какая-нибудь из них окажется неспособной исполнять свою задачу. Сплетение их слишком сложно для того, чтобы сумасшествие могло коснуться одних безнаказанно для других. Еще более очевидно, что безумие не может коснуться одной какой-нибудь мысли или чувства, без того чтобы вся психическая жизнь в корне своем не была им затронута. Представления и наклонности человека не имеют своего самостоятельного существования; они не составляют также и маленьких субстанций, Духовных атомов, которые, сцепляясь, образовали бы ум человека. Они служат только для внешнего выражения общего состояния сознательных центров, они истекают из них и являются их выразителями; поэтому они не могут принимать болезненного характера без того, чтобы общее состояние не было само по себе повреждено.

Но если умственные повреждения не могут локализоваться, то и не может быть мономании в собственном смысле этого слова. Повреждения, по-видимому, местного происхождения, носящие в зависимости от этого то или иное название, всегда являются результатом более обширной пертурбации; они на самом деле не самостоятельные болезни, а частичные и второстепенные проявления более общих болезней. Если не существует мономании вообще, то не существует и мономании самоубийства, а поэтому самоубийство не может быть определенным видом сумасшествия.

Остается предположение, что самоубийство есть известный момент сумасшествия; если оно само по себе не есть особый вид сумасшествия, то нет такой формы душевных болезней, в которой оно не могло бы проявиться; оно становится в таком случае эпизодическим болезненным припадком, но довольно часто встречающимся. Можно ли из этих повторяющихся случаев вывести заключение, что самоубийство немислимо в здоровом состоянии и что оно есть известный признак психического заболевания?

Такое заключение было бы очень поспешным, так как среди поступков психически больных людей есть такие, которые им только свойственны и которые могут считаться для них характерными; но есть и такие, которые, наоборот, у них одинаковы со здоровыми людьми, хотя у сумасшедших они и получают особую окраску. Рассуждая а priori, нет никаких данных для того, чтобы помещать самоубийство в первую из этих категорий. Конечно, психиатры утверждают, что большинство самоубийц, которых они наблюдали, являли все признаки умственного расстройства, но этого показания недостаточно для разрешения вопроса. Подобные наблюдения слишком поверхностны, тем более что из такого совершенно специального опыта нельзя вывести никакого общего закона. Самоубийцы, наблюдаемые психиатрами, были, конечно, душевнобольными людьми, но они не могут служить бесспорным доказательством приводимой здесь гипотезы, особенно при наличии большого числа самоубийц, которых эти психиатры не наблюдали, и особенно принимая во внимание численный перевес последних.

Единственный правильный метод состоит в том, чтобы классифицировать самоубийства, совершенные умалишенными согласно их существенным особенностям, и, таким образом, установить главные типы самоубийств в состоянии психического расстройства и произвести точное изыскание, действительно ли все случаи добровольной смерти подходят под эту рубрику. Иначе говоря, для того чтобы узнать, есть ли самоубийство акт, исключительно присущий сумасшедшим, надо определить те формы, которые оно принимает при умственном расстройстве, и решить потом вопрос, ему ли одному оно свойственно. Специалистами по этому вопросу сделано очень мало в отношении классификации самоубийств

сумасшедших, но тем не менее можно считать, что следующие четыре типа содержат наиболее яркие виды. Основные черты этой классификации мы заимствуем у Jousset и Moreau de Tours.

I. Маниакальное самоубийство. Этот вид самоубийства присущ людям, страдающим галлюцинациями или бредовыми идеями. Больной убивает себя для того, чтобы избежать воображаемой опасности или позора, или действует, как бы повинувшись таинственному приказанию, полученному им свыше и т. д. Но мотивы и формы развития этого вида самоубийства отражают общий характер той болезни, от которой они происходят, т. е. той или иной мании. Отличительной чертой этого душевного заболевания является чрезвычайная общая подвижность. Самые разнообразные и противоречивые чувства и мысли сменяют одна Другую в мозгу маньяка с необыкновенной быстротой. Последний находится поэтому как бы в постоянном вихре чередующихся настроений. Едва успеет фиксироваться одна полоса сознания, как она уже заслоняется Другой; то же можно сказать и о причинах, вызывающих самоубийства маньяков; они рождаются и исчезают, превращаясь из одних в другие с изумительной быстротой. Внезапно появляется галлюцинация или бредовое состояние, которые побуждают маньяка лишить себя жизни; они влекут за собой попытку самоубийства. Через несколько мгновений положение вещей изменяется, и если попытка оканчивается неудачей, то по крайней мере в данный момент маньяк ее не возобновляет, а если и возвращается к ней позднее, то в силу какого-нибудь другого мотива. Самое незначительное событие может привести к самым внезапным метаморфозам. Один подобный больной, желая покончить с собой, бросился в реку, большую часть года не особенно глубокую. Он принужден был искать достаточно глубокого места для того, чтобы утопиться, пока его не заметил таможенный солдат. Угадав его намерение, он прицелился и пригрозил ему, что будет стрелять, если тот не выйдет из воды. Тотчас же наш больной вылезает из воды, идет домой и уже не думает более о самоубийстве.

II. Самоубийство меланхоликов. Этот вид самоубийства встречается у людей, находящихся в состоянии высшего упадка духа, глубочайшей скорби; в таком состоянии человек не может вполне здраво определить свои отношения к окружающим его лицам и предметам. Его не привлекают никакие удовольствия, все рисуется ему в черном свете, жизнь представляется утомительной и безрадостной. Ввиду того что такое состояние не прекращается ни на минуту, у больного начинает просыпаться неотступная мысль о самоубийстве; мысль эта крепко фиксируется в его мозгу, и определяющие ее общие мотивы остаются неизвестными. Одна молодая девушка, дочь вполне здоровых родителей, проведшая детство в деревне, должна была лет в 14 уехать в город, для того чтобы продолжать свое образование. С этого момента ее охватывает невыразимая тоска; она начинает стремиться к одиночеству, и скоро в ней просыпается ничем не победимое желание умереть. «Целыми часами она сидит неподвижно с опущенными глазами, сгорбившись, в позе и настроении человека, предчувствующего что-то зловещее; у нее созревает твердое решение утопиться, и она ищет для этого наиболее уединенного места с тем, чтобы никто не мог спасти ее». Тем не менее, прекрасно сознавая, что ее поступок будет преступлением, она на некоторое время откладывает его выполнение. Через год мысль о самоубийстве с большей силой охватывает ее, и она на протяжении небольшого количества времени делает несколько неудачных попыток покончить с собой.

Часто на фоне общего отчаяния появляются галлюцинации и бредовые идеи, непосредственно влекущие больного к самоубийству, но в них нет той подвижности, которая замечается у только что рассмотренного нами типа маньяков. Напротив, идеи эти вполне определены и неподвижны, как и общее состояние духа, из которого они происходят. Боязнь, мучающая больного, упреки, которые он себе

делает, несчастья, которые он себе рисует, всегда одни и те же. Если этот вид самоубийства определяется воображаемыми причинами, как и в предыдущем случае, то мысль о нем отличается своим хроническим характером и потому неотвязчиво стоит в мозгу человека. Больные, принадлежащие к этой категории, спокойно обдумывают все детали своего плана; в достижении своей цели они проявляют даже невероятное постоянство и иногда удивительную хитрость. Постоянная неустойчивость мысли маньяка очень мало похожа на эту последовательность меланхолика. У одного можно наблюдать только преходящие вспышки, не обусловленные длительными причинами, у другого, напротив, постоянное настроение, тесно связанное с самым характером больного.

III. Самоубийство одержимых навязчивыми идеями. В этом состоянии самоубийство не обуславливается никакими мотивами, ни реальными, ни воображаемыми, а только навязчивой мыслью о смерти, которая без всякой видимой причины всецельно владеет умом больного. Он одержим желанием покончить с собой, хотя прекрасно знает, что у него нет к этому никакого разумного повода. Это инстинктивное желание не подчиняется никаким размышлениям и рассуждениям, подобно тем безудержным потребностям воровать, убивать, поджигать, которые раньше пытались истолковать как особые виды монomanии. Так как больной отдает себе отчет в нелепости своего желания, то он пробует вначале бороться с ним, но все время, пока воля противится этому стремлению, больной грустен, подавлен, его грудь сжимает тоска, которая с каждым Днем усиливается. В силу этой особенности данному виду самоубийства дают иногда название «самоубийство от тоски» (suicide anxieux). Это состояние было превосходно описано однажды одним больным психиатру Brierre de Boisomont. «Я служу в одной торговой фирме и удовлетворительно исполняю возложенные на меня обязанности, но действую все время, как автомат, и обращенные ко мне слова звучат в моих ушах так, как если бы они раздавались в пустом пространстве. Меня бесконечно мучает ни на минуту не покидающая меня мысль о самоубийстве. Целый год я уже нахожусь в таком состоянии; вначале оно было выражено лишь неявно, а теперь, приблизительно в течение двух месяцев, оно не оставляет меня ни на минуту, хотя у меня нет никакого повода желать смерти. Физически я здоров, никто в моей семье не был подвержен подобному душевному недугу, я не потерпел никаких потерь, жалованья моего вполне достаточно для того, чтобы доставлять себе свойственные моему возрасту развлечения». Но едва больной прекратил борьбу с самим собой и решил убить себя, тревога его кончилась и к нему вернулось спокойствие. Если попытка самоубийства оканчивается неудачей, то этого оказывается достаточно для того, чтобы больной на время успокоился; можно сказать, что у него проходит само желание лишить себя жизни.

IV. Автоматическое или импульсивное самоубийство. Этот вид самоубийства так же мало мотивирован, как и предыдущий; ни в действительности, ни в воображении больного для него нет никакого основания. Разница между ним и предыдущим видом заключается в том, что вместо того, чтобы быть результатом навязчивой идеи, которая более или менее долгое время преследует больного и лишь постепенно овладевает его волей, этот вид самоубийства проистекает от внезапного и непобедимого импульса. Мысль в одно мгновение созревает до конца и вызывает самоубийство или по крайней мере толкает больного на ряд предварительных действий. Эта внезапность решения напоминает нам то, что мы раньше видели при той или иной мании; но самоубийство маниакальное всегда имеет хотя и неразумное, но все же основание. Здесь же, наоборот, мысль о самоубийстве зарождается внезапно и совершенно автоматически, без наличности какого-нибудь предварительного сознательного решения, ведет к роковой развязке. Вид ножа, прогулка по краю пропасти и т.д. мгновенно порождают мысль о самоубийстве, и

выполнение ее так стремительно, что больные часто совершенно не осознают того, что произошло. «Человек,— говорит Brierre,— спокойно разговаривает с друзьями; вдруг он внезапно перескакивает через барьер и бросается в воду. Его тотчас же вытаскивают и спрашивают о мотивах его поступка. Он отвечает, что сам не знает о них и что он действовал под влиянием силы, управлявшей им помимо его воли». «Самое удивительное,— говорит другой больной,— что я совершенно не могу вспомнить, каким образом я взобрался на окно и какая мысль была у меня тогда в голове; я совершенно не хотел убивать себя, по крайней мере в данный момент я не могу вспомнить, чтобы у меня было такое желание». При более слабой степени болезни люди чувствуют приближение припадков, и им удается избежать непобедимого очарования орудия смерти, если они не оглядываясь бегут от него.

В общем, все случаи самоубийства среди душевнобольных лишены всякого мотива, или определяются совершенно вымышленными мотивами. Громадное количество добровольных смертей не могут быть отнесены ни к той, ни к другой категории; большинство из них имеют мотивы, не лишённые реального основания; поэтому нельзя, не злоупотребляя словами, считать каждого самоубийцу сумасшедшим. Из всех характеризованных нами случаев самоубийства наиболее трудно, по-видимому, отличить от самоубийств, наблюдаемых среди здоровых людей, самоубийство меланхоликов; очень часто вполне нормальный человек, кончающий с собой, находится в крайне подавленном и угнетённом состоянии, как и человек, страдающий болезненной меланхолией. Но все же между ними всегда существует основное различие; состояние духа первого и вытекающий из этого состояния поступок имеют некоторую объективную причину, тогда как у второго самоубийство не стоит ни в какой связи с внешними обстоятельствами. В общем, самоубийства психически ненормальных людей отличаются от остальных точно так же, как иллюзия и галлюцинации отличаются от нормальных восприятий и как автоматические импульсы — от вполне сознательных поступков. Возможен, конечно, непрерывный переход от одних к другим, но если бы это было достаточной причиной для того, чтобы отождествлять их, то пришлось бы вообще устранить различие между здоровьем и болезнью, ибо вторая — только видоизменение первого.

Если бы даже и удалось установить, что средние люди никогда не лишают себя жизни и что решающиеся на самоубийство представляют собой некоторую аномалию, то все же это не давало бы нам права смотреть на сумасшествие как на непременное условие самоубийства; сумасшедший не есть просто человек, несколько иначе думающий и поступающий, чем обыкновенная средняя масса, поэтому тесно связать самоубийство с сумасшествием можно только в том случае, если произвольно ограничить значение слов. «Тот, кто, внимая только голосу благородства и великодушия, подвергает себя заведомой опасности или же неминуемой смерти и добровольно жертвует жизнью во имя закона, веры или спасения своей родины, не может называться самоубийцей», — восклицает Esquirol и приводит примеры Дешия, Асса и т. д. Falret точно так же отказывается считать самоубийцами Курция, Кодра и Аристодема; подобным же образом Bourdin исключает из понятия самоубийства все случаи добровольной смерти, не только вызванные твердостью в вере или в политических убеждениях, но даже экзальтацией чувства. Но мы знаем, что природа побудительных причин, непосредственно определяющих собой самоубийство, такова, что они не могут ни служить для него определением, ни провести границу между самоубийством и несамоубийством. Все случаи смерти, являющиеся результатом поступка самого пострадавшего лица, действовавшего с полным сознанием этого результата, представляют, независимо от своей цели, слишком существенное сходство для того, чтобы их можно было распределить по различным родам; при самых разнообразных мотивах они могут считаться только разновидностями одного и того же рода; кроме

того, чтобы установить подобное различие, нужен другой какой-нибудь критерий, а не преследуемая жертвой цель, которая всегда более или менее проблематична. Таким образом, мы можем по крайней мере установить группу самоубийств, в которых отсутствует элемент сумасшествия. Но если уже исключениям открыть свободный вход, то трудно бывает потом закрыть его, потому что между смертями, внушенными исключительным великодушием, и смертями, вызванными чувствами менее возвышенными, не существует резкой границы; переход от одних к другим совершается без всякого видимого скачка. И если первые из этих случаев называть самоубийством, то почему бы не квалифицировать таким же образом и вторые. Итак, мы установили, что есть громадное количество случаев самоубийства без всякой примеси сумасшествия; их можно распознавать по двоякому признаку: во-первых, они вполне обдуманно, во-вторых, представления, из которых складывается мышление подобных субъектов, не являются галлюцинациями в чистом виде. Из всего сказанного ясно, что этот так часто поднимающийся и волнующий вопрос может быть разрешен без вмешательства проблемы свободы. Для того чтобы узнать, все ли самоубийцы — сумасшедшие, мы не спрашивали себя, свободно ли они действуют; мы основывали свое мнение исключительно на эмпирических признаках, которые представляют для нашего наблюдения различные виды добровольной смерти.

Самоубийство умалишенных не обнимает собой всех случаев; это только известная разновидность, и по этому психопатические состояния, характеризующие психическое расстройство, не могут служить показателем склонности к самоубийству вообще. Но между душевной болезнью и полным равновесием интеллекта есть целый ряд промежуточных ступеней: это — различного вида аномалии, объединяющиеся обыкновенно под общим названием неврастения. Мы должны теперь исследовать, не играют ли они значительной роли, при отсутствии сумасшествия, в генезисе того явления, которое нас интересует. Этот вопрос вытекает из самого существования самоубийства душевнобольных людей. В самом деле, если глубокого извращения нервной системы достаточно для того, чтобы в полной мере породить самоубийство, то меньшее потрясение должно оказать в более слабой степени вполне однородное влияние. Неврастения представляет собой род зачаточного сумасшествия, и поэтому в отдельных случаях она должна иметь одинаковые с ним последствия. Неврастения имеет гораздо более широкое распространение, чем душевные болезни, и число жертв ее неуклонно возрастает; поэтому вполне возможно, что общая сумма аномалий, известных под именем неврастения, является одним из факторов, от которых зависит процент самоубийств.

Вполне понятно, конечно, что неврастения предрасполагает к самоубийству, так как неврастеники по своему темпераменту как бы предназначены к страданию. Известно, что страдание в общем вытекает из чрезмерного потрясения нервной системы; слишком сильная нервная волна бывает чаще всего очень болезненной. Но это максимальное напряжение нервной системы, за пределом которого начинается страдание, изменяется в зависимости от индивида; предел этот выше у людей с более крепкими нервами и ниже — у людей слабых; таким образом, у последних полоса страдания начинается скорее, чем у первых. Каждое получаемое впечатление дает неврастенику повод к дурному расположению духа; каждое движение вызывает усталость, нервы его, как и поверхность кожи, раздражаются при малейшем прикосновении. Все отправления физических функций, совершающиеся обыкновенно у здоровых людей совершенно спокойно, являются для него по большей части источником болезненных ощущений. Правда, что в противовес этому полоса наслаждений начинается у таких индивидов также гораздо ниже, потому что чрезмерная чувствительность ослабшей нервной системы делает ее восприимчивой к такому возбуждению, которое ничем не отозвалось бы

на нормальном организме. Незначительное событие может явиться для подобного субъекта источником безграничного удовольствия. Итак, по-видимому, то, что неврастеник теряет в одном отношении, он возмещает в другом и благодаря этой компенсации не менее приспособлен для всякой борьбы, чем все прочие люди. На самом же деле это совершенно не так, и слабость неврастеника постоянно сказывается в жизни, так как обычные впечатления и ощущения, многократно повторяющиеся в жизни среднего человека, всегда обладают достаточной силой. Поэтому у неврастеника жизнь никогда не бывает уравновешенной. Конечно, если ему удастся уйти из этой жизни, создать себе обстановку, куда внешний шум долетал бы только издали, то он тем самым достигает менее мучительного для себя существования. Именно поэтому мы часто видим, как такие люди покидают свет, доставляющий им так много страдания, и ищут уединения. Но если такой человек должен, в силу сложившихся обстоятельств, жить среди общества и не может сохранить от наносимых им ударов свою болезненно-чувствительную натуру, то он испытывает гораздо больше горя, чем радости. Подобные организмы представляют собой прекрасную почву для мыслей о самоубийстве.

Это не единственная причина к тому, что жизнь неврастеника складывается для него так тяжело. В силу чрезвычайной чувствительности нервной системы мысли и чувства его находятся в полной неуравновешенности; каждое самое легкое впечатление находит в его душе ненормально сильный отзвук; его духовный мир ежеминутно потрясается до самых своих глубин, и под влиянием этих непрекращающихся внешних толчков ум его не может найти себе точки опоры и находится в непрерывном процессе преобразования. Но психика может укрепиться лишь в том случае, если пережитый опыт производит на нее прочное впечатление, а не рассеивается и не уничтожается постоянными резкими переверотами. Жизнь в устойчивой и постоянной среде возможна только в том случае, если отправления живого существа в такой же степени постоянны и устойчивы. Ибо жить — это значит реагировать на все внешние события, приспособиться к ним известным образом, а такая гармония отношений может быть только делом времени и привычки; достигнуть ее можно только ощупью через целый ряд поколений; она должна в известной своей части сделаться наследственной, и весь этот накопленный опыт не может быть повторен сызнова в любой момент, когда надо начинать действовать. Если бы, наоборот, все приходилось повторять каждый раз сначала, то эта гармония не могла бы быть полностью такой, какой она должна быть. Подобная устойчивость не только необходима нам для наших отношений с физическим миром, но также и с социальной средой. В обществе с вполне установившейся организацией существование индивида возможно только в том случае, если умственное и моральное строение его в равной степени определено. Именно этой-то устойчивости и недостает неврастенику. Благодаря тому состоянию неуравновешенности, в котором он находится, обстоятельства застают его зачастую врасплох; не будучи подготовлен к тому, чтобы реагировать на них надлежащим образом, он должен каждый раз заново измышлять для себя правила поведения; из этой необходимости рождается хорошо известное пристрастие неврастеника ко всему новому. Но когда встает вопрос о приспособлении к какому-нибудь традиционному условию, его импровизированным комбинациям приходится отступать перед теми, которые уже освящены многолетним опытом, потому что иначе он в огромном большинстве случаев потерпел бы неудачу.

Мы видим, таким образом, что, чем большей определенностью обладает известная социальная система, тем тяжелее в ней себя чувствует такой малоуравновешенный человек, как неврастеник. Вполне вероятно поэтому, что подобный психологический тип всего чаще встречается среди самоубийц. Остается только установить, какое влияние это чисто индивидуальное условие оказывает на

общее количество добровольных смертей. Достаточно ли этого условия при благоприятных стечениях обстоятельств для того, чтобы натолкнуть человека на мысль о самоубийстве, или же неврастения оказывает еще какое-нибудь влияние, кроме того, что делает индивидов более восприимчивыми к действию внешних сил, которые только и могут быть определяющими причинами данного явления? Для того чтобы непосредственно решить этот вопрос, надо было бы сравнить колебания процента самоубийств и неврастении; к несчастью, последняя еще не вполне доступна для статистики, но с помощью одного искусственного приема мы можем преодолеть эту трудность. Сумасшествие является только усиленной формой нервного вырождения, и поэтому, не рискуя впасть в грубую ошибку, можно сказать, что число дегенератов изменяется так же, как и число сумасшедших, и поэтому вместо первых можно рассматривать вторых. Поступая так, мы будем еще иметь то преимущество, что можно будет вообще установить то соотношение, которое наблюдается между процентом самоубийств и общей суммой умственных аномалий всякого рода.

Один факт может сообщить им больше значения, чем следует; а именно самоубийство, равно как и сумасшествие, сильнее распространено в городе, чем в деревне. Поэтому начинает казаться, что случаи самоубийства учащаются и уменьшаются в зависимости от процента сумасшествий, и получается впечатление прямого соотношения между этими двумя явлениями. Но этот параллелизм не является показателем действительно существующей причинной связи; он может быть простым совпадением. Гипотеза эта тем более допустима, что социальные причины, от которых зависит самоубийство, как мы увидим далее, сами тесно связаны с городской цивилизацией и наиболее сильно дают себя чувствовать в больших центрах. Для того чтобы измерить то влияние, которое психопатическое состояние может оказывать на самоубийство, надо исключить те случаи, когда это состояние изменяется параллельно социальным условиям того же явления; когда эти два факта действуют в одном и том же направлении, в конечном результате трудно определить долю влияния, оказываемого каждым из них. Производить наблюдение над ними надо исключительно в тех случаях, когда они находятся в полном противодействии друг другу; только когда между ними образуется известный конфликт, можно установить, кому из двух принадлежит решающее значение. Если умственное расстройство играет ту существенную роль, которую ему иногда приписывают, то оно должно проявить свое присутствие характерным образом даже в том случае, когда социальные условия стремятся нейтрализовать его; и наоборот, эти условия не могли бы проявить себя, если бы индивидуальные силы действовали в обратном смысле. Следующие факты указывают на то, что правилом является совершенно обратная зависимость.

1) Путем статистических данных доказано, что в домах умалишенных число женщин незначительно превышает число мужчин; взаимоотношение варьирует в зависимости от данной страны, но обыкновенно на 54 или 55 умалишенных женщин приходится 46—45 мужчин.

Кох собрал результаты переписи умалишенных, сделанной в одиннадцати различных государствах. На 166675 умалишенных обоего пола приходится 78584 мужчины и 88091 женщина, т.е. 1,18 мужчины и 1,30 женщины на 1000 жителей обоего пола. Мауг в свою очередь пришел к аналогичным результатам. Правда, иногда спрашивали себя, не происходит ли этот излишек умалишенных женщин оттого, что смертность сумасшедших мужского пола больше смертности сумасшедших женского пола. Известно, что во Франции на 100 умерших сумасшедших приходится около 55 мужчин.

Итак, большее число случаев сумасшествий среди женщин, полученное при переписи в тот или иной момент, не является еще доказательством того, что

женщина предрасположена к сумасшествию больше, чем мужчина; оно, быть может, указывает только на то, что и в этом случае, как во многих других, женщин умирает меньше, чем мужчин.

Тем не менее остается несомненным тот факт, что среди наличного контингента сумасшедших женщин больше, чем мужчин; и если— что вполне законно — от числа умалишенных умозаключать к числу нервно расстроенных, то нельзя не признать, что всегда существует большее число неврастеников женского пола, чем мужского. Поэтому если бы между процентом самоубийств и неврастенией была действительно какая-нибудь причинная связь, то женщины должны были бы чаще, чем мужчины, лишать себя жизни или же по крайней мере одинаково часто. Даже принимая во внимание меньшую смертность среди женщин и исправляя в этом смысле указания переписи, все, что можно заключить отсюда,— это то, что у них почти одинаковое с мужчинами предрасположение к сумасшествию; в самом деле, меньший процент их смертности и численное преобладание их во всех переписях умалишенных почти компенсируются. Между тем в действительности склонность к добровольной смерти у женщин не только не выше, но гораздо ниже, чем у мужчин, и потому самоубийство по существу своему — чисто мужское явление. На одну лишаящую себя жизни женщину приходится в среднем 4 мужчин. У каждого пола есть своя вполне определенная склонность к самоубийству, которая есть величина постоянная для всех социальных классов. Но интенсивность этого предрасположения отнюдь не варьирует параллельно вариациям психопатического фактора независимо от того, исчисляются ли его влияние по количеству ежегодно вновь зарегистрированных случаев или по числу людей, записанных в данный момент.

Данные показывают, что сумасшествие наблюдается чаще у евреев, чем у людей других вероисповеданий; можно было бы на этом основании предполагать, что в тех же пропорциях находятся у них все другие ненормальности нервной системы; но оказывается, что, наоборот, предрасположение к самоубийству у евреев очень слабо. Мы увидим ниже, что еврейство — это как раз та религия, в рамках которой склонность к самоубийству имеет наименьшую величину.

Следовательно, в данном случае процент самоубийств колеблется в обратном отношении к психопатическому состоянию и отнюдь не является его продуктом. Конечно, основываясь только на этом факте, нельзя вывести заключения, что мозговая и нервная болезнь могут служить предохранительным средством против самоубийства, но очевидно, эти болезни могут служить для него очень неточным определением, если процент самоубийства может упасть в тот момент, когда они достигают наивысшей степени своего развития.

Если сравнивать только католиков и протестантов, то эта обратная пропорциональность не будет носить общего характера, но все же она очень часто наблюдается. Предрасположение к сумасшествию у католиков оказывается ниже, чем у протестантов, только в 4 случаях из 12, и то разница между ними очень незначительна. Первые везде без всякого исключения лишают себя жизни реже, чем вторые.

2) Предрасположение к самоубийству правильно увеличивается начиная от детского возраста вплоть до глубокой старости. Если иногда оно понижается после 70 или 80 лет, то уменьшение это очень незначительно; в этот период жизни оно все-таки в два или в три раза сильнее, чем в период зрелости. Наоборот, в зрелом возрасте случаи сумасшествия встречаются наиболее часто. Максимальная опасность заболевания наблюдается около 30 лет, позднее она уменьшается, а к старости в большинстве случаев наблюдается в наиболее слабой степени. Такой антагонизм был бы необъясним, если бы причины, заставляющие колебаться процент самоубийств и вызывающие умственное расстройство, не были бы

совершенно разнородного происхождения.

Если сравнить процент самоубийств в каждом возрасте не с относительной частотой новых случаев сумасшествия на протяжении того же самого периода, а с той пропорцией, которую по отношению ко всему населению образует наличный состав сумасшедших, то полное отсутствие параллелизма между этими двумя явлениями будет не менее очевидно. По отношению к общей массе населения число умалишенных особенно велико в возрасте 35 лет; пропорция остается той же вплоть до 60 лет и затем быстро уменьшается. Она достигает минимума тогда, когда процент самоубийств достигает максимума, нельзя установить никакого правильного соотношения между колебаниями того и другого явления.

3) Если сравнить различные общества с двоякой точки зрения — сумасшествия и самоубийства, то точно так же нельзя найти связи между колебаниями этих двух явлений. Правда, статистика умственного расстройства сделана недостаточно точно, для того, чтобы все эти сравнения между народами обладали бесспорной достоверностью, но тем не менее замечательно, что сведения, заимствуемые нами у двух различных авторов, дают явно согласные результаты.

Итак, в странах, где всего меньше умалишенных, всего больше самоубийств; это особенно заметно в Саксонии. К этому заключению уже раньше пришел доктор Leroу в своем прекрасном труде по вопросу о самоубийстве в департаменте Seine-et-Marne. «Чаще всего,— говорит он,— в местности, где наблюдается значительный процент душевных болезней, встречается такой же процент самоубийств, но оба этих процента могут рассматриваться совершенно отдельно. Я даже склонен думать, что наряду с теми в достаточной мере счастливыми странами, где нет ни душевных болезней, ни самоубийств, есть такие, где существуют только душевные болезни. В других местностях можно наблюдать обратное исключение».

Правда, Морселли пришел к несколько другим результатам. Но это произошло потому, что он смешал под общим названием душевнобольных сумасшедших в собственном смысле этого слова и идиотов, тогда как это два совершенно различных вида болезни, особенно с точки зрения влияния, которое они могут иметь на самоубийство. Идиотизм не только не предрасполагает к самоубийству, но предохраняет от него; идиотов гораздо больше в деревне, чем в городе, тогда как случаи самоубийства там гораздо реже. Поэтому очень важно строго различать такие противоположные по своим последствиям состояния, когда ставишь себе целью определить, какое влияние оказывают различные невропатические потрясения на процент добровольных смертей. Но даже если смешать их воедино, то невозможно создать никакого правильного параллелизма между распространенностью душевной болезни и самоубийством. Если даже, считая бесспорными цифры, данные Морселли, классифицировать главнейшие страны Европы в пять последовательных групп, согласно числу находящихся в них душевнобольных (заносая под одну рубрику и сумасшедших, и идиотов), и если заняться потом вопросом, как велико в каждой из этих групп среднее число самоубийств, то получится следующая таблица:

	Число сумасшедших на 100000 жителей	Число самоубийц на 1000000 жителей
1-я группа (3 страны)	340—280	157
2-я »	261—245	195
3-я »	185 — 164	65
4-я »	150 — 116	91

5-я » 110—100 68

Можно сказать вообще, что там, где много сумасшедших и идиотов, там много и самоубийств, и наоборот. Но между этими двумя скалами нет точного соответствия, доказывающего наличие определенной причинной связи между этими двумя явлениями. Во второй группе должно было бы быть меньше самоубийств, чем в первой, а на самом деле в ней самоубийств больше; в пятой группе с этой же точки зрения самоубийств должно было бы быть меньше всего, а в ней их больше, чем в четвертой и даже в третьей. Если статистику душевных болезней Морселли заменить более полной статистикой Коха, к тому же и более строгой, то отсутствие параллелизма будет еще более очевидным.

	сумасшедшие и идиоты на 100 000 жителей	Среднее число самоубийств на 1000000 жителей
1-я группа (3 страны)	422—305	76
2-я »	305—291	123
3-я »	268—244	130
4-я »	223—218	227
5-я »	216—146	77

4) Наконец, так как считается, что за последнее столетие процент сумасшествий и самоубийств регулярно увеличивается, то вполне понятно искушение видеть в этом доказательство их взаимной обусловленности. Но это предположение лишается всякой силы и убедительности, если мы примем во внимание, что в обществах низшего порядка, где очень редко наблюдается сумасшествие, самоубийство, наоборот, очень частое явление, как мы это увидим впоследствии (кн. II, гл. IV). Социальный процент самоубийств не имеет никакой определенной связи ни с предрасположением к сумасшествию, ни — поскольку об этом свидетельствуют индуктивные данные — с предрасположением к различным видам неврастения. Если неврастения, как мы уже указали выше, может предрасполагать к самоубийству, то она может и не иметь такого последствия.

Конечно, неврастеник почти неизбежно обречен на страдание, если он слишком близко соприкасается с окружающей его жизнью, но он имеет возможность удалиться от нее, для того чтобы вести исключительно созерцательное существование. Если всевозможные конфликты и человеческие страсти слишком шумны и грубы для его хрупкого организма, то в противовес этому неврастеник как бы специально создан для того, чтобы вкушать тихие радости умственной жизни. Его мускульная дряблость и чрезмерная чувствительность делают его не способным к активному образу жизни и как бы приготавливают его к умственной работе, которая в свою очередь требует приспособленных для этого органов. Если неподвижная социальная среда только разбивает его природные инстинкты, то, поскольку само общество подвижно и может существовать только при условии прогресса, постольку он может играть полезную роль, так как неврастеник составляет *par excellence* орудие прогресса.

Именно потому, что он не склоняет головы перед традицией и ярмом привычки, он представляет собой чрезвычайно плодотворный источник всего нового. Но так как в самых культурных обществах интеллектуальные функции более всего развиты и более всего необходимы и так как в то же время, в силу чрезвычайной сложности этих обществ, непременным условием их существования является непрерывное изменение, то в тот самый момент, когда число неврастеников становится особенно значительным, существование их получает свое практическое оправдание. Они не относятся к числу людей, по существу своему внесоциальных, которые устраняют самих себя, потому что не могут жить в той среде, к которой они прикреплены.

Нужно, чтобы еще целый ряд других причин присоединился к свойственному им органическому состоянию, чтобы характер их принял такое направление и развился именно в этом смысле. Сама по себе неврастения есть предрасположение очень общего характера, не влекущее за собой никаких определенных поступков, но по ходу обстоятельств она может принимать самые разнообразные формы. Неврастения — это почва, на которой могут зародиться самые различные наклонности в зависимости от того, как оплодотворят ее социальные условия. У старого, уже сбитого с пути народа, на почве неврастения легко пустят корни отвращение к жизни, инертность и меланхолия со всеми печальными, свойственными им последствиями. Наоборот, в молодом еще обществе на этой почве по преимуществу разовьются пылкий идеализм, великодушный прозелитизм, деятельная самоотверженность. Если во времена всеобщего упадка мы видим увеличение числа неврастеников, то мы не должны забывать, что их же руками создаются новые государства; именно из среды неврастеников появляются все великие преобразователи. При такой двойственной роли неврастения не может объяснить столь определенного социального факта, как тот или иной процент самоубийств.

Очень ярким примером этой двойственности являются сходство и контраст, наблюдаемые между французской и русской литературой. Та симпатия, которой во Франции пользуется русская литература, уже доказывает, что в ней очень много общих черт с французской. На самом деле, у писателей обеих наций чувствуется болезненная утонченность нервной системы, известное отсутствие умственного и морального равновесия. Но это общее психобиологическое состояние производит совершенно различные социальные последствия. Тогда как русская литература чрезмерно идеалистична, тогда как свойственная ей меланхоличность основана на деятельном сочувствии к страданиям человечества и является здоровой тоской, возбуждающей веру и призывающей к деятельности, тоска французской литературы выражает только чувство глубочайшего отчаяния и отражает беспокойное состояние упадка. Вот каким образом одно и то же органическое состояние может служить почти противоположным социальным целям.

Существует одно психопатическое состояние которое за последнее время вошло в привычку обвинять почти во всех несчастьях нашего цивилизованного общества. Это — алкоголизм. Справедливо или нет, но его влиянию приписывают прогрессивное развитие сумасшествия, пауперизма и преступности. Имеет или нет алкоголизм какое-нибудь влияние на развитие самоубийства? А priori подобная гипотеза кажется малоправдоподобной, потому что именно в наиболее культурных и зажиточных классах самоубийство вырывает больше жертв, тогда как далеко не в их среде алкоголизм имеет наибольшее распространение.

Рассмотрим факты — и пусть они говорят сами за себя. Если сравнить французскую карту самоубийств с картой преследований за злоупотребление спиртными напитками, то мы увидим, что между ними нет почти никакого соответствия. Для первой из них характерной чертой является то обстоятельство, что самоубийства в особенности сосредоточены в двух центрах Франции. Один расположен в Ile de France и простирается оттуда на восток, а другой занимает побережье Средиземного моря от Марселя до Ниццы. Совершенно другое распределение темных и светлых пятен мы видим на картах алкоголизма. Здесь существуют три главных центра. Один — в Нормандии, а в особенности в департаменте Нижней Сены; другой — в Финистере и вообще в бретонских департаментах; третий занимает бассейн Роны и соседнюю с ним область. Наоборот; процент самоубийств в местности, лежащей по течению Роны, не поднимается выше среднего; в большинстве нормандских департаментов он ниже среднего, и в Бретани самоубийство почти совершенно отсутствует. Таким образом,

географии этих двух явлений настолько различны, что совершенно невозможно приписывать одному из них влияние на развитие другого. Мы придем к тому же результату, если начнем сравнивать самоубийство не с проступками на почве пьянства, а с нервными или душевными болезнями, порожденными алкоголизмом. Сгруппировав французские департаменты в 8 классов по степени значительности в них контингента самоубийц, мы старались найти в каждом из них среднее число случаев сумасшествия алкоголического происхождения, основываясь на цифровых данных доктора Lunier, и получили следующие результаты:

	Число 100000 жителей самоубийств на (1872— 1876 гг.)	сумасшедших на почве алкоголизма на 100 душевнобольных (1867— 1869 и 1874—1876 гг.)
1-я группа (5 деп.)	ниже 50	11,45
2-я » (18 »)	от 51—75	12,07
3-я » (15 »)	76—100	11,92
4-я » (20 »)	101 — 150	13,42
5-я » (10 »)	151—200	14,57
6-я » (9 »)	201—250	13,26
7-я » (4 »)	251—300	16,32
8-я » (5 »)	Свыше этого	13,47

Два вышеприведенных столбца совершенно не соответствуют друг другу. Тогда как число самоубийств ушестеряется и поднимается даже выше, пропорция сумасшествия на почве алкоголизма увеличивается едва на несколько единиц, и то увеличение происходит нерегулярно; вторая группа возвышается над третьей, пятая над шестой, седьмая над восьмой. Между тем если бы алкоголизм влиял на процент самоубийств, как психопатическое состояние, то это влияние могло бы выражаться только умственным расстройством.

На первый взгляд кажется, что между количеством потребленного алкоголя и склонностью к самоубийству— более тесное соотношение, по крайней мере насколько это касается Франции. В самом деле, больше всего потребляют алкоголя в северных департаментах, и в этих же местностях всего чаще встречаются самоубийства. Но во-первых, пятна, обозначающие эти явления, имеют на обеих картах несколько различную конфигурацию. Одно из них наиболее густо в Нормандии и на севере Франции, бледнея по мере приближения к Парижу: это пятно обозначает алкоголизм. Другое пятно, наоборот, всего темнее около Сены и в соседних с нею департаментах; оно светлеет уже близ Нормандии и не достигает севера. Первое темнеет по направлению к западу и простирается до побережья океана; второе, наоборот, быстро исчезает, приближаясь к западу, как бы остановленное границей, которую для него представляют департаменты J'Eure и J'Eu-ge-et-Loue, затем оно значительно усиливается по направлению к востоку. Мало того, темное пятно, имеющееся на юге в департаменте Var и Bouches de Rhone на карте самоубийств, совершенно исчезает на карте алкоголизма.

Наконец, даже в той мере, поскольку существует совпадение, оно недостаточно убедительно, так как оно в большинстве случаев совершенно случайно. Выйдя из пределов Франции и подвигаясь на север, мы видим почти правильное увеличение потребляемого алкоголя без всякого возрастания самоубийств. Тогда как во Франции в 1873 г. на одного человека в среднем приходилось 2,84 литра алкоголя, в Бельгии количество алкоголя достигало в 1870 г. 8,56 литра, в Англии мы находим в 1870—1874 гг. 9,07 литра, в Голландии (1870г.) —4, в Швеции (1870 г.)—10,34, в России (1856 г.) —10,69 и даже в Петербурге (1855 г.)—до 20 литров. И в то же время, когда в соответствующие эпохи во Франции насчитывалось 150 случаев

самоубийства на 1000 000 жителей, в Бельгии их было только 68, в Великобритании — 70, в Швеции — 85, а в России очень немного. Даже в Петербурге от 1864—1868 гг. средний годовой процент не превышал 68.8. Дания — единственное северное государство, где большое количество самоубийств и потребление алкоголя совпадают (16,51 литра в 1845 г.). Если северные департаменты Франции отличаются тем, что совмещают пристрастие к спиртным напиткам с склонностью к самоубийству, то из этого не надо заключать, что второе явление вытекает из первого и находит в нем себе объяснение; совпадение это носит чисто случайный характер. На севере вообще потребляют алкоголя значительно больше, потому что вина там мало и оно гораздо дороже; кроме того, может быть, здесь более, чем в другом месте, нужно специальное питание, для того чтобы поддерживать необходимую для организма теплоту; с другой стороны, видно, что причины самоубийства особенно сконцентрировались в этой части Франции. Сравнение различных частей Германии подтверждает это заключение.

Если перейти к деталям, то обнаружатся поразительные контрасты; в провинции Познань меньше, чем где-либо в империи, наблюдаются самоубийства (96,4 случая на 1000000), а здесь всего более употребление алкоголя — 13 литров на человека; в Саксонии, где оно в 4 раза больше (348 на 1 000 000), алкоголя употребляют в 2 раза меньше; наконец, можно заметить, что четвертая группа, где потребление алкоголя очень незначительно, почти всецело состоит из южных государств. С другой стороны, если здесь меньше случаев самоубийства, чем в остальной Германии, то это зависит от того, что население в ней католическое или содержит в себе очень сильное католическое меньшинство.

Следовательно, не существует ни одного психопатического состояния, которое бы имело с самоубийством постоянную и бесспорную связь. В данном обществе число самоубийств не зависит от числа находящихся в нем неврастеников и алкоголиков. Хотя дегенерация в различных своих формах образует вполне подходящую психологическую почву для развития тех причин, которые могут заставить человека решиться на самоубийство, но сама она не является одной из причин его. Можно допустить, что при идентичных обстоятельствах дегенерат лишает себя жизни легче, чем здоровый человек, но он лишает себя жизни не только в силу своего органического состояния. Потенциальная склонность к самоубийству может преобразиться у него в действие только под влиянием иных факторов, разысканием которых нам и предстоит теперь заняться.

Здесь наследственность распространяется на склонность к самоубийству не более чем на кровохарканье в случаях наследственного туберкулеза. Если какой-нибудь несчастный, в семье которого есть и умалишенные, и самоубийцы, убивает себя, то делает он это не потому, что родственники его покончили с собой, а потому, что они были сумасшедшими. Душевные болезни, передаваясь по наследству, трансформируются; так, например, меланхолия в старшем поколении превращается у младшего в хроническое безумие и инстинктивное сумасшествие; и поэтому может случиться, что несколько членов одной и той же семьи кончают с собой и что все эти самоубийства происходят от различных видов безумия и принадлежат поэтому к различным типам.

Но одной этой причины недостаточно для того, чтобы объяснить все факты, так как, с одной стороны, не доказано, что самоубийство повторяется только в семьях, где есть умалишенные, с другой—остается необъясненной та замечательная особенность, что в некоторых из этих семейств самоубийство носит, по-видимому, заразительный характер, хотя психическое расстройство не влечет за собой непременно такого последствия. Не каждый сумасшедший стремится лишить себя жизни. Откуда же происходит целая категория сумасшедших, стремящихся покончить с собой? Подобное совпадение обстоятельств дает повод подозревать

существование другого фактора, сверх предыдущего; определить его можно, не прибегая к гипотезе наследственности; достаточно одной заразной силы примера, чтобы создать этот новый фактор.

Мы увидим в одной из нижеследующих глав, что самоубийство очень заразно. Эта способность заражаться особенно ярко чувствуется у индивидов, структура которых делает их более чувствительными ко всякому внушению вообще и к идее о самоубийстве в частности; они не только склонны воспроизводить все то, что поражает их впечатлительность, но в особенности заражаются поступком, к которому у них уже есть некоторое предрасположение, и повторяют его. Это двойное условие имеется в наличности у людей умалишенных или у простых неврастеников, родители которых покончили с собой. Слабость нервной системы делает их восприимчивыми к гипнозу и в то же самое время предрасполагает их спокойно относиться к мысли о смерти; поэтому нет ничего удивительного, что воспоминание о трагической смерти своих близких или зрелище ее становится для таких субъектов источником навязчивой идеи или непреодолимого стремления к самоубийству.

Но неизвестно, почему склонность к самоубийству должна быть более связана с одной фазой органического развития, чем с какой-либо другой. Если она представляет собой определенный механизм, который может передаваться в совершенно законченном виде, то она должна была бы начать действовать с первых же лет жизни.

На самом деле происходит обратное. Самоубийство среди детей наблюдается чрезвычайно редко. Во Франции, по Legoyt, на 1 миллион детей ниже 16-летнего возраста в течение 1861-1875 гг. приходится 4,3 случая на мальчиков и 1,8 — на девочек. В Италии, по Морселли, цифры еще меньше: они не поднимаются выше 1,25 для одного пола и 0,33 — для другого (1866—1875 гг.), и такова пропорция почти во всех странах.

Раньше 5-летнего возраста самоубийств не бывает, да и в этом возрасте они совершенно исключительное явление; к тому же еще не доказано, чтобы эти исключительные случаи объяснялись наследственностью. Не надо забывать того, что ребенок тоже испытывает на себе влияние социальных причин и что этого обстоятельства вполне достаточно, чтобы толкнуть ребенка на самоубийство. Факт этот доказывается тем, что самоубийство у детей варьирует в зависимости от социальной обстановки, их окружающей; нигде оно не замечается так часто, как в больших городах. Это вполне понятно, потому что нигде социальная жизнь так рано не начинается для ребенка, как в городе, что доказывается быстротой умственного развития у городского ребенка; раньше по времени и полнее приобщенный к ходу нашей цивилизации, городской ребенок скорее ощущает на себе ее последствия. В силу этих причин в наиболее культурных странах самоубийства детей увеличиваются с ужасающей регулярностью. Но мало того, что самоубийства встречаются вообще чрезвычайно редко у детей; только к старости они достигают своего апогея, а в промежутке, в зрелом возрасте, число их регулярно увеличивается из года в год.

С некоторыми изменениями отношения эти почти одинаковы во всех странах. Швеция—единственная страна, где максимум падает на промежуток между 40—50 годами; везде в других странах самоубийства достигают максимума в последний или предпоследний период жизни; и везде, с очень небольшими исключениями, которые, может быть, зависят от ошибок переписи, возрастание идет непрерывно вплоть до этого высшего предела. Понижение склонности к самоубийству, наблюдаемое в возрасте свыше 80 лет, не носит абсолютного характера, и, во всяком случае, оно чрезвычайно слабо. Контингент самоубийц в этом возрасте ниже того, который наблюдается у стариков 70 лет, но он все еще выше по сравнению с другими, во

всяком случае, по сравнению с большинством других возрастов. Каким образом после всего сказанного можно приписывать наследственности склонность, появляющуюся только у взрослых и усиливающуюся с этого момента по мере дальнейшего хода человеческой жизни? Как можно считать прирожденным заболевание, которое в детстве или отсутствует, или совсем слабо и которое, все усиливаясь и развиваясь, достигает своего maximum'a только у стариков?

Аномия может точно так же сочетаться и с альтруизмом. Один и тот же кризис может потрясти существование индивида, нарушить равновесие между ним и его средой и в то же самое время обратить его альтруистические склонности в состояние, возбуждающее в нем мысль о самоубийстве. Это тот случай, который мы называем самоубийством одержимых. Если, например, евреи в большом количестве лишали себя жизни во время взятия Иерусалима, то делали это потому, что, во-первых, победа над ними римлян, превращая их в подданных и данников, тем самым меняла тот образ жизни, к которому они уже привыкли, а во-вторых, потому, что они слишком были преданы своему культу и слишком любили свой город, для того чтобы пережить неминуемое разрушение того и другого. Точно так же часто случается, что разорившийся человек лишает себя жизни как потому, что он не хочет жить в стесненных обстоятельствах, так и потому, что он хочет спасти свое имя и имя своей семьи от позора банкротства. Если офицеры и унтер-офицеры с легкостью лишают себя жизни в тех случаях, когда они вынуждены подать в отставку, то это также вызывается как мыслью о той перемене, которая должна произойти в их образе жизни, так и их общим предрасположением считать жизнь за ничто. Две различные причины действуют здесь в одном и том же направлении. Результатом их являются самоубийства, в которых страстная экзальтация или непоколебимая твердость альтруистического самоубийства соединяется с безумным отчаянием, являющимся продуктом аномии.

Следовательно, утверждение, что каждое человеческое общество имеет более или менее сильно выраженную склонность к самоубийству, не является метафорой; выражение это имеет свое основание в самой природе вещей. Каждая социальная группа действительно имеет к самоубийству определенную, присущую именно ей коллективную склонность, которая уже определяет собой размеры индивидуальных склонностей, а отнюдь не наоборот. Склонность эту образуют те течения эгоизма, альтруизма или аномии, которые в данный момент охватывают общество, а уже их следствием являются предрасположения к томительной меланхолии, или к деятельному самоотречению, или к безнадежной усталости. Эти коллективные склонности, проникая в индивида, и вызывают в нем решение покончить с собой.

Что касается случайных происшествий, считающихся обыкновенно ближайшими причинами самоубийства, то они оказывают на человека только то влияние, которое возможно при наличии данного морального предрасположения человека, являющегося в свою очередь только отголоском морального состояния общества. Для того чтобы объяснить отсутствие привязанности к жизни, человек ссылается на обстоятельства, которые его непосредственно окружают; он находит, что жизнь скучна, потому что ему самому скучно. Конечно, с одной стороны, тоска приходит к нему извне, но не зависит от той или другой случайности в его жизни, а от той общественной группы, часть которой он составляет. Вот почему нет ничего, что бы могло служить случайной причиной самоубийства; все зависит от той интенсивности, с которой влекущие за собой самоубийство причины оказывали свое воздействие на индивида.

Это заключение может найти себе подтверждение уже в одном постоянстве процента самоубийств.

Совершенно верно, что общество не включает в себя никакой другой

действующей силы, кроме силы индивидов; и однако, эти индивиды, соединяясь, образуют психическое существо нового типа, которое, таким образом, обладает своим собственным способом думать и чувствовать. Конечно, элементарные свойства, из которых складывается социальный факт, в зародышевом состоянии заключаются в частных умах. Но социальный факт получается из них только тогда, когда они преобразованы путем сочетания, ибо он проявляется исключительно при этом условии. Сочетание само является активным фактором, производящим специфические результаты; и следовательно, оно как таковое есть уже нечто новое.

Сегодня поток тоски и отчаяния заливают общество; завтра, наоборот, все сердца уносит с собой веяние радостной доверчивости. В течение одного периода все общество увлекается индивидуализмом, но наступает другой период, и преобладающим влиянием начинают пользоваться уже социальные и филантропические настроения; вчера общество увлекалось космополитизмом, сегодня все умы захватывает патриотическое настроение. И весь этот водоворот, эти приливы и отливы приходят и уходят, ничуть не изменяя основных постановлений права и правил морали, застывших в своих священных формах. Ведь и сами эти предписания лишь выражают подчиненную им жизнь, частью которой они являются; они вытекают из нее, но не подавляют ее. В основании всех социальных норм заложены деятельные и живые чувства, которые эти формулы резюмируют, но которых они являются только внешней оболочкой. Они не вызвали бы никакого отклика, если бы не соответствовали конкретным чувствам и эмоциям, распространенным в обществе. Поэтому, если мы приписываем им реальное бытие, мы отнюдь не хотим этим сказать, что вне их мораль лишена всякой реальности. Это значило бы принимать знак за обозначаемую вещь. Без сомнения, знак имеет самостоятельное значение, его нельзя считать бездейственным эпифеноменом; в настоящее время роль, которую он играет в интеллектуальном развитии, хорошо известна. Но все же это — только знак, и ничего больше.

Конечно, поскольку мы сливаемся с группой и живем ее жизнью, мы не можем избежать ее влияния; но с другой стороны, поскольку мы обладаем индивидуальностью, отличающей нас от нее, мы оказываем ей сопротивление и стремимся уклониться от ее влияния. А так как нет ни одного человека, который не жил бы одновременно эту двойную жизнь, то каждый из нас в одно и то же время проникнут тем и другим стремлением. Нас увлекает социальное чувство, но вместе с тем мы отдаемся настроению, отвечающему нашей личной природе. Остальные члены общества давят на нас, чтобы сдержать наши центробежные стремления, а мы в свою очередь стараемся давить на других, чтобы нейтрализовать их индивидуальные стремления. Таким образом, мы испытываем на себе то же самое давление, которое мы стараемся оказать на других. Возникают две противодействующие друг другу силы. Одна из них вытекает из коллективности и стремится завладеть индивидом, другая проистекает от индивида и враждебна предыдущей. Конечно, первая во многом превосходит вторую, потому что она является сочетанием всех единичных сил, но, так как она встречает на своем пути столько же отпоров, сколько существует отдельных субъектов, она отчасти растрачивается в этой усиленной борьбе и проникает в нас только в ослабленной и обезображенной форме.

Мы разумеем: 1) что группа, образованная из ассоциированных индивидов, есть реальность совершенно иного рода, чем каждый индивид, взятый отдельно, 2) что коллективные состояния существуют в группе, природе которой они обязаны своим происхождением раньше, чем коснутся индивида как такового и сложатся в нем в новую форму чисто внутреннего психического состояния.

Не существует морального идеала, который не являлся бы сочетанием—в пропорциях, меняющихся в зависимости от общества,— эгоизма, альтруизма и

некоторой аномии. Ибо социальная жизнь предполагает, что индивид обладает в известной степени только ему свойственными качествами, что в то же время по требованию общества он готов от своей индивидуальности отказаться и, наконец, что душа его до некоторой степени открыта для идей прогресса. Вот почему нет народа, где бы одновременно не существовало этих трех различных течений, которые увлекают человека по трем разным и даже противоположным направлениям. Там, где они взаимно умеряют друг друга, моральная жизнь находится в состоянии равновесия, которое защищает индивида от всякой мысли о самоубийстве. Но как только один из них переступит известную степень интенсивности в ущерб другим, он, индивидуализируясь, становится по изложенным выше причинам моментом, предрасполагающим к самоубийству. Чем он сильнее, тем, конечно, больше субъектов, которых он заражает достаточно глубоко, чтобы побудить их к самоубийству, и наоборот. Но самая эта его интенсивность может зависеть только от трех следующих причин: 1) природы индивидов, составляющих обществ, 2) способа, посредством которого они ассоциируются, т. е. природы социальных организаций, и 3) случайных обстоятельств, которые нарушают течение коллективной жизни, не касаясь ее анатомического строения, как-то национальные и экономические кризисы и т. д.

Так как в большей своей части индивид является созданием общества, последнее формирует его по своему образу и подобию.

Социальная тенденция к самоубийству: С того момента, как людям внушили, что прогресс является их обязанностью, сделалось гораздо труднее держать их в покорности; вследствие этого число недовольных и беспокойных не перестает увеличиваться. Всякая мораль прогресса и совершенствования неотделима поэтому от известной степени аномии. Таким образом, каждому типу самоубийства соответствует своя, согласующаяся с ним моральная организация. Одно не может быть без другого; ибо самоубийство есть просто форма, которую неизбежно принимает каждая из них в известных частных условиях и которая не может не проявляться. // Неизбежно, чтобы были как сферы, где культивируется дух непримиримой критики и свободного исследования, так и другие — например, армия, где сохраняется почти в полной неприкосновенности древняя религия авторитета.

Разновидности коллективной печали, производные от установленных нами трех моральных состояний, не лишены своего права на существование, если только они не чрезмерны. Ошибочно думать, чтобы беспримесная радость была нормальным состоянием человеческого самочувствия. Человек не мог бы жить, если бы печаль не имела над ним никакой власти. Существует много страданий, приспособиться к которым можно, лишь полюбив их, и удовольствие, получаемое при этом от этих страданий, конечно, носит оттенок меланхолии. Меланхолия поэтому бывает болезненным состоянием лишь в том случае, когда она занимает слишком много места в жизни; но не меньшую ненормальность представляет и случай ее полного отсутствия. Нужно, чтобы стремление к веселому раздолью умерялось противоположным стремлением, и только при этом условии радость не перейдет границ и будет в гармонии с реальной действительностью. Это имеет силу не только по отношению к индивидуумам, но и по отношению к общественному целому. Слишком веселая мораль бывает моралью разложения; она пригодна лишь для народов, вступивших на путь упадка, и только у них одних можно ее встретить. Жизнь часто тяжела, часто обманчива или пуста. Необходимо, чтобы коллективное чувство отразило и эту сторону существования. Поэтому наряду с оптимистической струей, заставляющей людей смотреть на мир с доверием, необходимо и противоположное течение, без сомнения, менее сильное и менее распространенное, чем первое, но могущее, однако, отчасти парализовать оптимизм; ибо ни одна

тенденция не в состоянии сама положить себе границ, но может быть ограничена лишь благодаря существованию другой тенденции. Некоторые данные показывают даже, что, по-видимому, склонность к известной меланхолии скорее увеличивается по мере того, как общество поднимается выше по лестнице социальных типов. Как мы уже говорили, существует один факт, заслуживающий по меньшей мере внимания: великие религии наиболее цивилизованных народов более глубоко проникнуты грустью, чем более простые верования предшествующих обществ. Конечно, это не значит, что пессимистическое течение должно в конце концов поглотить оптимизм, но это служит доказательством того, что оно не теряет почвы под ногами и, по-видимому, ему не суждено исчезнуть. А для того, чтобы оно могло существовать и бороться за свое существование, необходима наличность в обществе специального органа, служащего ему субстратом. Необходимо, чтобы были группы индивидуумов, представляющих специально это общественное настроение. И, конечно, часть населения, играющая подобную роль, будет именно той частью, среди которой легко зарождается мысль о самоубийстве.

Но из того, что течение, нарождающееся с известной интенсивностью самоубийства, должно быть рассматриваемо как явление нормальной социологии, еще не следует, что всякое течение этого рода неизбежно будет носить тот же самый характер. Если дух самоотречения, любовь к прогрессу, стремление к индивидуализации имеют место во всех видах общества и если их существование неизбежно связано, в некоторых отношениях с зарождением мысли о самоубийстве, то этим свойством они все-таки обладают лишь в известной мере, особой для каждого народа. Свойство это имеет место лишь в том случае, когда эти чувства не переходят границ. Точно так же и коллективная склонность к печали представляет собой здоровое явление лишь при том условии, если она не является преобладающим течением.

Очень возможно и даже вероятно, что прогрессивное увеличение числа самоубийств происходит от патологического состояния, сопровождающего теперь ход цивилизации, но не являющегося его необходимым условием. Быстрота, с которой возрастало число самоубийств, не допускает даже другой гипотезы.

Не могут быть нормальными те изменения, наличность которых предполагает статистика современных самоубийств. Можно утверждать, что они вытекают не из нормальной эволюции, а из болезненного потрясения, сумевшего подорвать корни прежних установлений, но оказавшегося не в силах заменить их чем-нибудь новым; и не в короткий промежуток времени можно восстановить работу веков. Растущий прилив добровольных смертей зависит, следовательно, не от увеличения блеска нашей цивилизации, а от состояния кризиса и ломки, которые, продолжаясь, не могут не внушать опасений.

Философские системы, носящие официально пессимистический характер, вроде учений Шопенгауэра, Гартмана и т. д., анархист, эстет, мистик, социалист-революционер, если они без отчаяния смотрят на будущее, все-таки подают руку пессимисту в одном и том же чувстве ненависти или презрения ко всему существующему, в одной и той же потребности разрушения действительности или удаления от нее. Если бы общественное сознание не приняло болезненного направления, мы бы не имели такого подъема коллективной меланхолии; и следовательно, развитие самоубийств, вытекающее из этого же состояния общественного сознания, имеет также болезненный характер. (Коллективное бессознательное - уже здесь, еще до Леви-Брюля).

Самоубийство (и безумие), как мы видели, родственно настоящим добродетелям и является только их преувеличенной формой.

Не является ли, однако, воспитание самым верным средством достигнуть этого

результата? Так как оно дает возможность воздействовать на характеры, то не может ли оно сделать их более мужественными и, следовательно, менее снисходительными к людям, теряющим мужество? Так думал Морселли. По его мнению, все профилактическое лечение самоубийства выражается следующей формулой: «Развивать у человека способность координировать свои идеи и свои чувства, чтоб он был в состоянии преследовать определенную цель в жизни; словом, дать моральному характеру силу и энергию». К тому же заключению приходит мыслитель совсем другой школы. «Как подрезать самоубийство в корне?» — спрашивает Франк. «Совершенство великое дело воспитания, развивая не только умы, но и характеры, не только идеи, но и убеждения», — отвечает он.

Но это значит приписывать воспитанию власть, какой оно не имеет. Оно не больше как образ и подобие общества. Оно подражает ему, его воспроизводит, но не создает его. Воспитание бывает здоровым, когда сами народы в здоровом состоянии. Но оно портится вместе с ними и не может измениться собственной силой. Если моральная среда испорчена, то и сами воспитатели, живущие в этой среде, не могут не быть пропитаны той же порчей. Как же они могут дать тем характерам, которые они формируют, иное направление, отличное от того, какое сами получили? Каждое новое поколение воспитывается предшествующим поколением; следовательно, данному поколению надо самому исправиться, чтоб исправить следующее поколение. Это заколдованный круг. Возможно, конечно, что от времени до времени появляется человек, который по своим идеям и стремлениям опережает современников, но не при помощи отдельных личностей пересоздается моральный строй народов. Нам, конечно, хотелось бы верить, что одного красноречивого голоса может быть достаточно, чтобы перетворить как бы чудом социальную материю, но здесь, как и повсюду, ничто не выходит из ничего.

Самая великая энергия не может извлечь из небытия силы, которых нет, и неудачи опыта всякий раз рассеивают эти детские иллюзии. Впрочем, если бы даже путем немыслимого чуда и удалось создать какую-нибудь педагогическую систему, которая расходилась бы с социальной системой, то она была бы бесплодна, и именно по причине этого расхождения. Если коллективная организация, создающая моральную атмосферу, которую хотят рассеять, продолжает существовать по-прежнему, то ребенок не может не подпасть под ее влияние с той минуты, когда он придет с ней в соприкосновение. Искусственная школьная среда не может предохранить его надолго. По мере того как реальная жизнь охватит его все больше и больше, она разрушит работу воспитателя. Итак, воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество. А для этого необходимо уничтожить самые причины того зла, которым оно страдает.

Эгоистическое самоубийство является результатом того, что общество не сохранило достаточной цельности во всех своих частях, чтобы удержать всех членов под своею властью. Если этот разряд самоубийств слишком усилился, это значит, что и то состояние общества, которым он вызывается, чересчур усилилось, что слишком много членов слишком полно ускользают из-под власти расстроенного и ослабевшего общества. А потому единственное средство помочь злу, это — сделать социальные группы снова достаточно сплоченными, чтобы они крепче держали индивида и чтобы индивид крепче держался за них. Нужно, чтобы он сильнее чувствовал свою солидарность с коллективным существом, которое предшествует ему по времени, которое переживет его, которое окружает его со всех сторон. При этом условии он перестанет искать в себе самую единственную цель своей деятельности и, поняв, что он орудие для достижения цели, которая лежит выше его, он поймет также, что он имеет известное значение. Жизнь снова приобретет смысл в его глазах, потому что она вновь найдет свою естественную цель и свое естественное направление. Но какие группы всего более способны

непрерывно толкать человека к этому спасительному чувству солидарности? Не политическое общество. Особенно в настоящее время, в наших огромных новейших государствах оно слишком далеко стоит от личности, чтобы с достаточной последовательностью серьезно влиять на нее. Какова бы ни была связь между нашей повседневной работой и совокупностью общественной жизни, она слишком косвенного свойства, чтобы ощущаться нами непрерывно и отчетливо. Лишь в тех случаях, когда затронуты крупные интересы, мы живо чувствуем свою зависимость от политического коллектива. Конечно, у тех, кто составляет моральный цвет населения, редко бывает, чтобы совершенно отсутствовала идея отечества, но в обычное время она остается в полумраке, в состоянии смутного представления, а бывает, что она и совсем затмевается. Нужны исключительные обстоятельства, какой-нибудь крупный политический или социальный кризис, чтобы она выступила на первый план, овладела умами и стала направляющим двигателем поведения. Но не такое редко проявляющееся воздействие может сыграть роль постоянного тормоза для склонности к самоубийству. Необходимо, чтобы не изредка только, но в каждый момент своей жизни индивид сознавал, что его деятельность имеет цель. Чтобы его существование не казалось ему пустым, он постоянно должен видеть, что жизнь его служит цели, которая непосредственно его касается. Но это возможно лишь в том случае, когда более простая и менее обширная социальная среда теснее окружает его и предлагает более близкую цель его деятельности.

=====